

Анна Бабяшкина

Мне тебя НАДО

Москва, 2008

Анна Бабяшкина

Мне тебя надо

«Автор»

2008

Бабяшкина А.

Мне тебя надо / А. Бабяшкина — «Автор», 2008

Что остается мужчине: сделавшему карьеру, научившемуся манипулировать людьми и разочаровавшемуся в любви? Правильно, разрабатывать теорию нового мира и играть в отношения. Право, это так заманчиво: тысячи женщин мечтают о любви, а с появлением Интернета и сайтов знакомств можно найти подругу в любом городе, куда главного героя закидывает судьба и работа. И пусть кому-то покажется странным, что парень, твердящий об идеалах и духовности, заводит пятерых подруг в разных городах, выступает против детей, подумывает о стерилизации и мешает встрече влюбленных... Он знает, что делает. Он просто не знает всех последствий.

© Бабяшкина А., 2008

© Автор, 2008

Анна Бабяшкина

Мне тебя надо

Значит, так. Меня зовут Денис Новиков. Я хороший парень. Даже нет. Не верно. Я не просто хороший – я клевый. Классный. Я крутой. Не верите? Ну и не надо, это все равно так. Хотя этого многие и не замечают. Люди просто не успевают рассмотреть меня, они вообще не очень-то вглядываются друг в друга – смотрят, но не видят. А уж при моем-то образе жизни, пожалуй, ни одно зеркало не успевает запомнить мое лицо. Не говоря уже о том, что вряд ли найдется зеркало, которому довелось бы отразить меня и в зимней, и в летней одежде. Обычно я смотрюсь в одно и то же зеркало около трех недель. Потом зеркала меняются. Такая жизнь.

С людьми еще хуже. Они хуже зеркал и хуже компьютеров. На первых еще задерживаются какие-то тени и пыль. И если, уезжая, написать над раковиной на запотевшем стекле пальцем «Денис – клевый чувак», то с большой вероятностью, когда вернешься через год в ту же гостиницу, напустив в ванную пара, увидишь, как из зеркала проступают оставленные двенадцать месяцев назад буквы. Хвала ленивым горничным. Компьютеры тоже довольно стойко хранят однажды забитые в них сведения. Люди не такие. Они не помнят ничего и никого. Вот, например, сегодня, когда я проводил очередной обучающий семинар по ERP для нижегородского офисного планктона, какая-то розовая мымрочка продебеджала:

– Простите, Виктор, вы не очень понятно объяснили про маршрут визирования договоров сбыта в вашей системе. Расскажите еще раз!

Виктор! Какой на хер Виктор?! И это при том, что я уже неделю торчу в этом странном Нижнем Новгороде и уже четыре дня подряд каждое утро напоминаю своим дебилоидам, что меня зовут Денис Новиков. Я даже им улыбаюсь, чтобы вызвать в их маленьких мозгах какие-то положительные эмоциональные реакции, способствующие запоминанию. У меня даже бейджик на груди висит: «Денис Новиков. Innovation & Consulting. Ведущий консультант по внедрению ERP». Денис, Де-нис, Д-е-н-и-с! Неужели это так сложно запомнить?! Впрочем, некорректно протекающие в ее мозгу химические процессы и лужицы тормозной жидкости, которые заполняют ее черепную коробку, конечно же не стоят такой сильной моей эмоциональной реакции. Это вообще факт, не достойный внимания. Это просто иллюстрация.

Но ничего, скоро, совсем скоро и она, и ее хихикающие подружки, очень веселящиеся над тем, что я надел колпачок маркера не на тот его конец и оставил на щеке широкую черную полосу, запомнят мое имя. Оно будет им сниться. И в эротических снах, и в кошмарах. Бикфордов шнур уже разложен. Мне нужно лишь назначить время и поднести спичку. И процесс начнется. Впрочем, об этом пока рано. Вавилонская башня, которую я выстроил, так грандиозна, прекрасна и величественна, что я хочу, чтобы вы постепенно прониклись всей ее мощью. Не спеша оценили, как мастерски выложен фундамент, как искусно держатся арки, как легка и одновременно прочна конструкция. И только потом я намерен показать вам общий вид, панораму этого шедевра. На пару секунд. Прежде чем все рухнет и мир изменится.

Но этой пары секунд вам хватит, чтобы понять: только очень сообразительный и упорный чувак мог построить такое. Вы скажете так про меня. Я не хвастаюсь. Я просто не люблю приbedняться. Самоуничтожение – повадка кокетничающих слабаков. Я исповедую честный цинизм сильных.

Как вы уже поняли, я умный. Моя работа связана с очень высокими информационными технологиями. Я имплантирую в тело предприятий Супермозг и готовлю стафф для его обслуживания. Я служу кибер-мегамонстрам под названием ERP. Наверное, я и сам в какой-то степени придаток и стафф этого монстра, но я, так сказать, монстр третьего уровня. Прокачанный. *Посвященный*. ERP – это гигантская нервная система, в которую стекается вся информация

от всей периферической шелупони какого-нибудь завода или даже целой транснациональной корпорации. Вы, разумеется, не поняли, но я объясню нагляднее: каждое утро вы пьете какой-нибудь растворимый кофе типа «Бодряч. com» и отправляетесь к своим офисным норкам, чтобы там снова разбодяжить той же бурды и сесть с чашечкой у мониторчика. И так делают миллионы людей по всему миру. Миллионы ложечек позвякивают в чашках с тем же сублимированным кофе. Этот звон следует за линией восхода солнца по всей планете и не замолкает ни на минуту. Этот процесс никогда не останавливается благодаря ERP. Это она чутко собирает всю информацию обо всем, что имеет какое-либо отношение к священному ритуалу по всему миру, и сигнализирует: «Тревога, тревога! Неурожай низкосортного кофе в Бразилии! Срочно нужно докупать ресурсы в Колумбии!» Это она вздрагивает, внезапно обнаружив, что в каком-то регионе продажи «Бодряч. com» резко начали падать, и тут же запускает там ответный рекламный удар. Это она отслеживает текучку кадров на заводах по переработке и вовремя повышает зарплаты служащим. Это она подсчитывает прибыли. Стафф в Бразилии, России, Японии, Корее и Швеции вбивает свои местные циферки в правильные таблички, и ERP выплевывает им в ответ графики, стратегии и директивы, составленные с учетом интересов системы в целом. Она действует как мозг, аккумулирует информацию и делает выводы.

Что делаю для этого мозга я? Когда система дотягивается своими щупальцами до нового заводика по расфасовке где-нибудь на окраине Российской империи, туда тоже требуется протянуть нервное окончание и обучить персонал его обслуживать и общаться с системой. Это и делаю я. Я переезжаю из одного города в другой, с шоколадного завода на автомобильный, с чаеразвесочной фабрики на йогуртовую кухню, а потом – к производству собачьих кормов или стиральных порошков. Подключаю ERP и объясняю, как с ней жить. Так что я живу везде и нигде. Но считаю себя москвичом.

Вообще-то на самом деле я из Твери. И по образованию я – программист. Но в какой-то момент я понял, что в провинции карьеру не сделаешь. Все деньги – в Москве. Я нашел эту работу, прошел адаптивный тренинг и стал вполне преуспевающим менеджером с соцпакетом, пластиковой карточкой, служебным ноутбуком и оплачиваемым мобильником. Нередко я даже летаю в командировки бизнес-классом. Селюсь только в хороших отелях. У меня есть множество голубых и синих рубашек, желтых галстуков. Есть еще розовые рубашки и серые галстуки. Я стильный. Я в форме – занимаюсь китайской гимнастикой «пять жемчужин» по утрам. И не бухаю – алкоголь депривирует серое вещество. Этот способ повышения эндорфинов приемлем лишь для низкоорганизованных существ.

В силу внешности и социальных факторов я нравлюсь девушкам. Но девушки у меня нет.

Вы, наверное, уже решили, что у меня нет девушки из-за того, что я нигде не задерживаюсь.

И еще (и это скорее всего) вы подумали, что я просто дико самовлюбленный чувак со страшно раздутым эго. И поэтому девушки меня сторонятся. Конечно, вы так и подумали – все мы доморощенные психологи, склонные делать выводы из недостаточной информации. Подождите, скоро поступит информация, которая позволит вам сделать более корректные догадки.

* * *

Наверное, если бы в мире был человек, который ежесекундно мог бы (и захотел бы!) наблюдать за внешней стороной моей жизни, то он счел бы меня страшно аморальным и бездуховным. Еще бы – пять разных девушек в разных городах России считают меня своим бойфрендом. Ну, или *состоят в отношениях*. Если бы кто-то просто подглядывал и подслушивал за мною, он бы точно решил, что я – по-половому озабоченный чел с маленьким членом. И был

бы не прав. Потому что все самые главные процессы человеческой жизни протекают в мозгу. Они скрыты от постороннего. Открыть свои тайны могу только я сам.

Так вот: на самом деле вы не поверите, но меня больше всего волнует *духовность*. А точнее говоря, катастрофическое падение духовности в современном мире. И я знаю, как спасти ситуацию. И мои девушки, мои избранные, те, кто считает себя моими невестами, помогут мне в этом. Ну, не они одни, конечно.

Формально точкой отсчета, с которой все началось, можно считать 11 января этого года. В полувымершем офисе ошивался лишь низкооплачиваемый персонал. Все более-менее уважающие себя менеджеры и специалисты взяли затяжные новогодние отпуска и катались на лыжах с гор или лупились в солнечное небо Гоа. Работали над пополнением флэш-карт своих фотоаппаратов. Чтобы потом, вернувшись, наглядно всем продемонстрировать, какой активной и насыщенной жизнью они умеют жить. Что они *вполне полноценны* и в их жизни есть не только работа, но и кое-что другое: друзья, любимые, дети, спорт, бухло и прочие признаки гармонично выстроенной судьбы. Такие фотографии должны быть у каждого. Чтобы повесить их в каком-нибудь блоге, сайте типа «В контакте» или на «Одноклассниках». Или на сайте знакомств типа «Мамбы.ру».

Так вот, пока высоко- и среднеоплачиваемый офисный планктон заготавливал собственные фотографии на фоне популярных пейзажей, чтобы потом заполнить этими однообразными снимками «народные» сайты, низкооплачиваемая часть конторских служащих изучала эти самые сайты, завидуя чужому расслабону и мечтая, что рано или поздно и они точно так же сфотографируются в ярком горнолыжном костюме на фоне искрящегося сугроба. И что они через полгодика-годик точно так же будут на пляже попыхивать косячком в объектив фотоаппарата.

Я мог позволить себе и то, и другое, и третье – и лыжи, и пляж, и косяк. Но я остался в Москве и сидел у своего рабочего компьютера. Тот короткий период, когда из-за новогодних каникул в бесконечных командировках перерыв, я хотел провести в Москве. Потому что хоть я и снимал свою квартиру уже полтора года, она все еще была слабо обжита. И больше походила на гостиничный номер. Мне это даже нравилось, захотелось пожить жизнью совершенно обычного москвича, который каждое утро едет на службу в метро, пьет кофе с сослуживцами, ходит на обед в соседнее кафе, смотрит рассылаемые по корпоративной почте коллегами «прикольные видео из интернета», торчит на пустопорожних сайтах и треплется по аське. Такой этнографический интерес.

Ну и еще я пытался распланировать свои действия в Самаре, куда должен был на днях отправиться. Мне не предстояло там делать ничего экстраординарного. Все обычные процедуры завершающего этапа внедрения. Но эта поездка все же должна была стать не совсем обычной: с нового года у нас вступили в действие новые правила. И если раньше на финальный этап отводился месяц, то теперь три недели, и ни днем больше. Спасибо долбоебу Васе Кузнецову. Вася тоже работает старшим консультантом по внедрению, так же, как и я. Но, в отличие от меня, он весь предыдущий год рвал анус и каждый раз загонял себя и всех, работающих над его проектом, чтобы сделать все в минимально возможные сроки. «Быстрее, быстрее! Надо потопрапливаться! Деньги любят скорость!» – любимая присказка Васи. Он действительно внедрил больше систем, чем любой из нас за это же время. И в результате начальство решило, что и все должны так же суетиться, как он. Меня это подбешивало. Вот и сейчас он не отправился на какой-нибудь курорт, как все вменяемые люди. Он тусовался в офисе. И если все делали это расслабленно и все еще празднично, то Вася, как всегда, гнал волну. Перед самыми праздниками он закончил работу на объекте «мебельная фабрика» в Костромской области и теперь лихорадочно сновал по разнообразным сайтам, собирая данные о всевозможных мебельных

производствах, обзванивал их, выясняя, установлена ли там уже ERP. Он тупо хотел по-быстрому клонировать уже заточенную под мебельное производство систему где-нибудь еще. Без дополнительных усилий и напрягов на доводку и заточку ERP-модулей под индивидуальные потребности клиента. Его даже не смущало, что в эти дни на фабриках не было никого, с кем можно было бы предметно разговаривать. Он продолжал висеть на сайтах и на телефоне. Я старался не обращать на него внимания. Я вообще стараюсь держаться от него подальше.

И вот я сидел у своего компьютера, лениво сканируя описание апдейтов нашей системы, а больше прислушиваясь к бессмысленному трепу девчонок за соседними компьютерами. Благо в офисе у нас опен-спейс и полная демократия: крутышки и «середнячки» не разбросаны по разным этажам и не разделены дверями с магнитными чипами. Все у всех на виду и на слуху. Как на хорошей тростниковой плантации, прятаться негде. Девчонки тупили: они залезли на сайт знакомств и развлекались прогрессивным святочным гаданием: открыв страницу с анкетами парней, они пытались вызнать, каким же будет их суженый.

«Седьмая страница третий сверху», – мечтательно закатывала глазки одна. А другие тут же открывали анкету чудака, которому оказалось не западло вывесить свою морду на всеобщее обозрение и рекламировать себя, как залежалый товар. «Купите, а то мне не продать, никто не берет». Ну, это их, этих чуваков, проблемы. Мне интереснее девчонки.

«Ну кто там, девочки?» – нетерпеливо спрашивала «водящая».

«Симпатииичный, – тянула в нос «гадалка». – Смотри, брютет. 32 года. Стабильный средний доход. Увлекается боксом. Ух ты! Изучает японский язык!!! Танька, ну-ка давай вспоминай, где ты можешь подцепить какого-нибудь японоведа?»

«Японоведа? – тут же нависали за плечами «гадалки» другие девчонки. – Не может быть! Врет небось! Он такой смазливый – наверное, жиголо какой-нибудь. Или фитнес-тренер».

«А мне нравится».

«У меня был похожий парень. Так он в ванной дольше меня торчал!»

«Ну все, посмотрели и хватит. Кинь Таньке адрес этой анкеты и давайте мне теперь погадаем! Страница 77 восьмая анкета сверху!»

«Страница 300 четвертый снизу!»

«Пятисотая страница и первый Алексей, который на ней попадется. Мне по всем гаданиям выходит, что мужа будут звать Лехой».

Звучали какие-то совсем астрономические цифры: анкета номер 18 756, анкета номер 20 554, и даже анкета номер 100 213.

Завороженный этими большими числами, я не сразу услышал, что девчонки уже наигрались в свои девчачьи игры и теперь решили поразвлечься за мой счет. Похихикать над кем-то живым, доступным «в реале», конечно, гораздо веселее, чем обсуждать неких неизвестных мужиков, которые даже не покраснеют, не пошлют по эротическому адресу или не ущипнут за жопу в ответ на все издевки. «Разогревшись» на мужиках из Интернета, женщины возжелали более осязаемой жертвы. Подвернулся я.

– Дениска! – села задницей на край моего стола самая развязная из девиц, рыжая подтянуто-сухая, я бы даже сказал костлявая, Машка. – Давай мы тебе тоже погадаем. Назови номер анкеты!

Я взглянул в нижний правый угол своего монитора и, ни секунды не мешкая, начал выключать компьютер. Часы показывали семь вечера. Зависать в офисе без серьезной причины – не в моих правилах. Работа должна занимать в жизни ровно столько места, сколько это необходимо.

– Спасибо, девочки, как-нибудь в другой раз! – Я помахал коллегам рукой и пошел к дверям.

– Кто работает строго по расписанию, рискует попасть под списание, – напутствовал меня в спину поговоркой собственного производства Вася, все еще продолжавший торчать у монитора.

Я хотел послать его, но сдержался:

– Вася, есть и другая поговорка: бери ношу по себе, чтоб не падать при ходьбе. Не надорвись.

Вася лишь усмехнулся и пошевелил бровями, пытаясь изобразить моральное превосходство. Девчонки с любопытством наблюдали за нами и, кажется, надеялись, что мы подеремся или что-то вроде того. Обломитесь.

Когда я уже открывал дверь, Машка бросила мне в спину:

– В общем, она будет из Питера и работать на радио диджеем! Извини, мы сами загадали за тебя. Брюнетка!

Чертовки! Наверняка они знают. Хотя откуда бы им знать? Простое совпадение? Скорее всего. Я ни с кем не разговаривал здесь о своей личной жизни. И не потому, что пытаюсь что-то скрыть. Никто не спрашивал. Надо же так подгадить под конец дня!

Впрочем, когда я вышел на улицу и поднял руку, чтобы поймать такси, я уже забыл об этом микроэпизоде. На пятничный вечер у меня были большие планы: во-первых, клубный концерт одной из самых глубоких, на мой взгляд, современных групп – «Rowan Tower». Концерт, конечно, рвущий башню, выводящий на другой уровень мироощущения, но такой, после которого наваливается беспредельный загруз. После него обязательно нужно что-то «заземляющее», возвращающее к повседневному бытию. Поэтому сразу после я собирался в другой клуб – «Лондон», где все на возбужденно-радостной волне, чтобы компенсировать суровую отрешенность «Rowan» пусть и деланым, но позитивом. Это как после какой-нибудь уединенной медитации на ветреном берегу моря хочется окунуться в многолюдную, веселую и пьяную толпу. Чтобы снова почувствовать *себя в теле*, разогнать замедлившуюся кровь, взбодрить пульс. В «Лондоне» я намеревался склеить какую-нибудь девчонку – ничего далекоидущего, так, на пару дней, just for fun. Это был хороший план начала выходных.

Район, где располагался наш офис, вписанный в модный «Бизнес-парк», по сути – бывшая промзона. Машины здесь ездили редко, особенно во время каникул. Я довольно долго простоял на обочине с поднятой рукой, прежде чем поймал тачку. За это время и Вася все-таки решил слиться из офиса. Он прыжками проскакал мимо меня к своей подержанной «бэхе икс 5», которую купил примерно месяц назад. Резко развернулся и, изображая паханскую щедрость, предложил подвезти. Я отказался. Подмораживало. Видимо, только благодаря этому Вася не попытался прочитать мне проповедь о том, что если я буду работать в том же темпе, что и он, то тоже смогу купить тачку. Если бы я хотел, она бы у меня давно была. Но к чему автомобиль человеку, который проводит в этом городе пару недель, а потом уезжает в затяжные командировки? Ради чистого понта, хе-хе.

Вечером все пошло немного не по плану, но даже лучше, чем я ожидал. Уже на концерте меня самого склеила вполне занимательная девица. Как говорил герой «На последнем дыхании»: «Нет, не красивая. *Забавная*. Это намного лучше».

Она медленно скользила между столиков, раскачиваясь в ритм музыки, как среднеазиатская кобра.левой рукой то и дело поправляла на голове яркий радужный берет с зеленым помпоном, а правой непрерывно жала на спуск фотика. Она буквально прилипла ко мне, видимо намереваясь потратить всю флэшку на мое лицо.

– Нравлюсь? – кивнул я.

– Ага, ты красивый.

– Любишь все красивое?

– Еще как! – без кокетства закатила она глаза. – Истина, красота и любовь – все стремятся к этим трем вещам.

– И ты тоже?

– А я больше всех.

– С красотой ты угадала, это действительно ко мне. Насчет истины я, пожалуй, тоже довольно продвинул. С любовью хуже.

– Ничего, это лечится. – Она окинула меня оценивающим взглядом, рассматривая уже напрямую, не через монитор фотика. Выключила фотоаппарат, села рядом и достала сигарету. – Ты куда потом?

– Подвигаться. Думаю, в «Лондон».

– Я с тобой, – запросто кивнула она, как будто не оставляла мне ни одного шанса, что у меня могла быть какая-то другая компания или меня могла ждать другая девушка.

Почему она так решила? Меня это царапнуло. Я же не выгляжу каким-то никчемным, никому не нужным лохом. Наоборот, подозреваю, я произвожу впечатление весьма притягательного парня. Вот и она сказала, что я красивый. Впрочем, что-то я чрезмерно разрефлексировался.

В конце концов, я решил не сопротивляться. Надо принимать то, что жизнь сегодня посылает мне. Видимо, вселенная сама идет мне навстречу и отвечает на мои запросы чуть быстрее, с опережением. Хотел склеить девицу – вот она, вникай.

– Тамара, – представилась девчонка.

Как же ей не подходило это царственное имя! Она напоминала скорее мальчика-пажа, которому и собственное имя-то не положено. А только обозначающее статус словосочетание «третий паж ее величества». Короткая «креативная» стрижка с дико торчащим «хохолком» на макушке и косой челкой. Как у эмо-герл. Но натурально-русого цвета. Не по-женски прокачанные руки и широковатая грудная клетка, узкие бедра. Но все-таки она выглядела девушкой, а не мечтой педика-педофила. Ее спасала сочная грудь и узкие, очень ухоженные кисти рук. Она знала, что у нее красивые пальцы, и всячески это акцентировала. Перстень с огромным винно-красным камнем, гипнотизирующая пластика рук.

На заднем сиденье «хач-мобиля», везшем нас в «Лондон», я просматривал снимки в ее фотоаппарате. Она сползла по сиденью и, запрокинув голову, косилась в окно на мелькающие огни.

– Ты плохо снимаешь. – Я вернул ей фотоаппарат.

Она повела бровью, но ничего не сказала.

– У тебя на всех снимках люди «зарезаны». Зарезаны головы, руки, ноги. То пол-лица нет, то половины туловища. Какие-то «Части тела», набор для создания криминальных фотороботов, а не художественная или репортажная съемка.

– Подчас часть лучше передает представление о целом, чем попытка уловить что-то целиком, – без тени обиды в голосе ответила она.

Сильная девчонка. Не разнюнилась и не попыталась выскочить из машины, причитая «дурак». Я оценил. Я умею признавать *объективные* достоинства людей.

Танцевали мы недолго. Она двигалась нелепо, как ребенок, который услышал заводную музыку, но еще никогда не видел, как танцуют другие люди. И пляшет как бог на душу положит. Не красиво, но страстно и с полной отдачей. Все на нее смотрели. По-моему, никто не восхищался, но взгляд отвести было невозможно. Заодно смотрели и на меня. Это быстро утомило. Я предложил поехать ко мне. Тамара согласилась также легко и не задумываясь, как она делала все в этот вечер.

– Ты всегда и со всеми такая? – спросил я, отправляя в плей-лист подходящие к ситуации трэки.

– Какая? – Она отогнула угол покрывала с кровати и оценивающе рассматривала простыню.

– Ну вот такая, как сегодня со мной. Такая открытая.

– Ты хотел сказать «доступная»? – уточнила Там ар а.

– Возможно, это можно назвать и так.

– Нет, я не всегда такая. И насчет моей доступности – тебе показалось. Секса не будет.

– Да ты что? – рассмеялся я. – Как же ты сможешь так меня разочаровать?!

– Я не занимаюсь сексом. – Она серьезно вздохнула, перестала паяльаться на простыню и вернула покрывало на место. – Я занимаюсь любовью.

– Скажи прямо, что тебе просто не понравились мои простыни! – кивнул я.

– И это тоже.

– У меня есть другие.

– Думаю, они тоже не из тех, что нравятся мне.

– Что же мы тогда будем делать?

Мы лежали на ковре перед теликом, пили терпкий пу эр и смотрели кино, пока не начали зевать. Перебрались на кровать и продолжили таращиться в экран, проваливаясь в сон. Она так и задремала в одежде поверх покрывала. Видимо, у нее и правда какой-то пунктик насчет постельного белья. Эти девчонки всегда слишком много воображают.

Впрочем, мне понравился этот вечер. Он был чем-то похож на один из вечеров с Таней. Тома даже смеялась над теми же эпизодами в фильмах, которые смешили меня. А во время титров нежно щекотала мне шею. Брала мою ладонь в свою, забавно складывала губы трубочкой и игриво дула меж пальцев. Заглядывала при этом в глаза. Как будто я какой-то экстравагантный Крестный отец, которому вместо поцелуя в кольцо принято обдывать пальцы. В общем, она довольно милая. И будь я года на три моложе, точнее говоря, будь я таким, каким был тогда, я бы, наверное, даже попросил ее телефон и стал звонить на следующий же день. Или даже уже через полчаса после ее ухода. Наверное, я бы даже влюбился. Но сейчас я просто с интересом и приятной расслабленностью наблюдал за нею, как за проплывающим и исчезающим в небе облаком. Я знал, что не попрошу у нее телефона. Завтра она уйдет и, видимо, даже не пришлет мне на почту фотки моего лица, сделанные ею сегодня. Я даже подозревал, что она удалит эти фотки, еще пока будет трястись в вагоне метро на какую-нибудь свою конечную станцию. Это нормально. В этом мире и без того *слишком много* социальных связей, чтобы заводить еще один мертвый аккаунт из формальной вежливости.

Первое время в Москве я старательно забивал в телефон номера всех девушек, с которыми знакомился. Пока наконец не осознал всю бессмысленность этого процесса. Зачем? В этом мире слишком много людей, чтобы встречаться с одним и тем же человеком дважды. Поначалу я провинциально пытался «заякорить» в ближнем круге каждого человека, встречавшегося на моем пути. И уж тем более каждую девушку, выказавшую мне расположение. Сейчас я понимаю, как был смешон. Чем пышнее разрасталась социальная сеть, которую я сплетал вокруг себя, тем больше сил она требовала на свое поддержание и тем менее прочной становилась. Чем больше телефонов становилось в записной книжке, тем реже я звонил по каждому из них. И тем реже звонили мне. Каждая связь становилась все тоньше и тоньше. Наверное, психическая энергия – величина конечная и если человек направляет ее в избыточно многих направлениях, то она просто рассеивается в пространстве. Я перестал сам кому-либо звонить. Я перестал запариваться, когда не звонили мне. Научился легко отпускать людей, перестал за них держаться. Отказался от участия в этой маркетинговой гонке, в которой мне предложено было стать для них как можно более привлекательным «товаром».

Я даже помню день, когда я четко сформулировал для себя правило минимизации социальных связей. В те редкие выходные, которые я проводил в Москве, я ходил на лекции в Политехнический музей. Разные профессора и академики рассказывали там взрослым и образованным, но еще не застывшим в интеллектуальном самодовольстве людям о последних достижениях науки. В тот раз профессор рассказывал о нервной системе. На меня произвел впечатление эпизод, в котором он с картинками продемонстрировал, как умирает нервная клетка. Очень просто: она обрастает избыточным количеством пустых связей. Если упрощать, то выглядит это так: когда у нервной клетки в силу какого-то несчастного случая или просто из-за старости рвется связь с назначенной ей природой мышцей или органом, этот нейрон из всех сил старается восстановить контакт. И отбрасывает один за другим «щупальца» – аксоны, которыми пытается дотянуться до «своего» пункта назначения. Фокус в том, что это невозможно: канал, по которому соединялись нейрон и родная ему клетка, заблокирован старым, разорванным нервным окончанием. Так что все новые канатики просто опутывают несчастный нейрон бессмысленными клубками ничего не дающих ему связей, иссушают его, высасывают всю энергию нервной клетки. И она погибает от истощения. «Если бы вам довелось побывать на вскрытии какого-то старика, вы бы удивились, какие клубки этих самых бесполезных аксонов в старческом мозге», – говорил профессор. Он сказал, что современная наука уже вплотную подобралась к тому, чтобы научить нервные клетки восстанавливать разорванные правильные связи и блокировать гиперразвитие бессмысленных аксонов. Но пока нервные клетки по-прежнему транжируют энергию на всякий бесперспективняк.

В тот день я осознал, что я – такая же потерявшая идеальную связь нервная клетка, беспомощно погретающая сама себя в искусственной социальной сети. И решил остановиться. Для начала я потерял мобильный телефон. Не то чтобы я *нарочно* его где-то оставил. Просто шок от осознания смысла происходящего со мной был так велик, что подсознание само отреагировало. Оно услужливо помогло мне посеять трубку, в которую были забиты телефоны людей, присутствие которых в моей жизни неоправданно и избыточно. С тех пор я редко сохраняю номера в памяти мобилы. И именно поэтому я не собирался просить у Томи ее телефон. Как бы мила она ни была.

Если чуду суждено случиться, то оно и будет именно что чудом. А если нет, то я знаю способ прожить и без него.

Тамара проснулась вовремя – я как раз в 21-й раз выдохнул, опуская ноги в «пятой жемчужине». Она быстро выскользнула из ванной и уселась перед компьютером с чашкой кофе. Ей надо было проверить почту. Я готовил завтрак, когда услышал, как хлопнула дверь.

Нет, я, конечно, сам за деликатность и ненавязчивость. За комфортную дистанцию. Но это было как-то слишком уж нарочито и вызывающе. Она как будто напрашивалась на то, чтобы я выглянул из окна, позвал ее, начал расспрашивать, уговаривать, недоумевать. Только что туфельку на пороге не инсталлировала призывно. Дешевый развод. Я запер дверь, убедился, что тумбочка, где хранятся деньги и документы, по-прежнему заперта, осмотрел комнату и даже не подошел к окну. Нет, детка, я не играю в игры. Тем более в эти.

Я принял душ. С аппетитом позавтракал трехминутным яйцом и бутербродом с сыром. Постоянная жизнь в гостиницах заметно повлияла на мои пищевые привычки. В этих отелях одинаково хорошо готовят к утреннему шведскому столу только яйца «в мешочек» и бутерброды с сыром. В сезон бывают еще неплохие овощные салаты. Невольно подсаживаешься. Запил завтрак кофе, прикидывая, отправиться ли мне сегодня в бассейн или на каток. Или попытаться, наконец, придать своей квартире жилой вид. Начать, например, с кухни и купить хотя бы турку. Хватит уже, наверное, варить элитный сорт арабики в хозяйской железной

кружке. Удобная заварочная чашка для чая мне тоже не помешала бы. Как и кастрюля-пароварка. Я не собирался обрастать скарбом, только самое необходимое. То, что реально улучшает качество жизни. Никакого «собираательства» или понтов. На этот счет у меня очень жесткая философия. Когда все время ездешь в командировки, со всей очевидностью, наглядно понимаешь, как мало вещей нужно человеку для нормальной жизни. Вполне достаточно одного чемодана. Все остальное, чем обрастает среднестатистический чел, – просто мусор. Мусор, возжелеть который его заставляют транснациональные корпорации. Это еще в «Бойцовском клубе» очень хорошо описано. Один из моих любимейших фильмов, между прочим.

Когда я практически принял решение, что в светлое время суток займусь обустройством быта, а вечером почитаю что-нибудь неглупое, планы рухнули. Таким лошарой я не чувствовал себя уже давно. Да что там давно – по-моему, вообще никогда. Ну, если не считать того дня, когда смотрел вслед поезду, на котором Танька уезжала в Питер. Но это другое. Тогда я был *идеалистическим* лошарой, и это скорее факт в мою пользу. Тут же я оказался *просто тупым*. И это ни разу не крuto.

Так вот. Я допил кофе. Вернулся в комнату и слегка удивился, уткнувшись взглядом во включенный ноут. Точно! Я же разрешил Тамаре проверить почту с моего компьютера. Я позволил ей это без всяких опасений, потому что специально для таких вот случаев у меня в компе был заведен «гостевой» логин. Человек, загрузивший систему под гостевым паролем, не мог увидеть моих документов. Я опустил перед ноутбуком, чтобы выключить его, и черт его знает зачем полез смотреть журнал эксплорера. Окошко открылось. Я хмыкнул. Сколько бы девушка ни пыталась казаться оригиналкой, в журнале я нашел две самые банальные отчетные записи: детка побывала сегодня на «Мэйл. ру» и на «Мамбе. ру». «Тривиальный персонаж, правильно, что не стал брать телефон. Только с виду забавная», – похвалил я себя и тут увидел, что она, видимо по привычке, ткнула в галочку «сохранить пароль». Словом, пароль и логин были на месте. Я нажал «войти».

Так я легко и свободно оказался в ее профайле. Спасибо cookies и маленькому мозгу девушек, которые их разрешают, а потом еще и не чистят после себя журнал. «Твоему мужу несложно будет держать тебя на ладони», – мысленно подколол я Тамару. Но мое ироничное настроение испарилось тут же, как только я заглянул в «Мои сообщения».

«Вот адрес: Вернадского, 20/3-55. Ты знаешь, что делать. На этом все. С меня хватит».

Уууупс! Это же мой адрес. Она кому-то слила мой адрес! Мне тут же замаячили перед глазами разбросанные на столе авиабилеты за декабрь – все не доходили руки сдать отчетность по командировкам. Связка ключей, валявшаяся тут же, сама собою зазвенела. В углу комнаты распухла, сделавшись неестественно заметной, нарочитой, щегольская стильная тумбочка-сейфик. Плазма. Фотик. Ноут... Да, Денис. Ты лоханулся...

Писала она некому Вадиму, 32, из Москвы. Причем здесь ее звали уже не Тамарой, а Елизаветой. Гмм...

Других визави у «Елизаветы» не было. Она переписывалась только с Вадимом, и переписка эта оказалась весьма куцей.

10 января, 22.22, Елизавета:

– Привет, давай знакомиться! ☺

10 января, 23.45, Вадим:

– Давай попробуем. Все в твоих руках. И даже я.;

11 января, 00.05, Елизавета:
– Как ты поживаешь?
11 января, 16.40, Вадим:
– Лучше всех.
11 января, 16.55, Елизавета:
– Можешь рассмешить меня? ☺ 11 января, 17.00, Вадим:
– Не уверен, что мне удастся. Я знаю верный способ рассмешить только одно существо – Бога.
11 января, 17.02, Елизавета:
– Хм... Тогда можешь применить этот способ ко мне. Мне почему-то кажется, что и на меня подействует.;)
11 января, 17.04, Вадим:
– Рассказать тебе о моих планах? Я планирую жить долго и счастливо.
11 января, 17.07, Елизавета:
– Не-а. Не смешно. Видимо, я все-таки не Бог. Жалко...
11 января, 17.12, Вадим:
– А мне-то как! Я бы тоже был не прочь оказаться на «прямой линии» с Богом.
11 января, 17.13, Елизавета:
– Это – я. Как ты понимаешь. ☺ Кто ж еще так сразу внаглую на роль Бога будет претендовать? Хахаха.
11 января, 17.15, Елизавета:
– Я тебе завтра напишу то, что тебе надо знать. Жди.
12 января, 09.36, Елизавета:
– Вот адрес: Вернадского, 20/3-55. Ты знаешь, что делать. На этом все. С меня хватит. Баааай!

Вот и весь диалог. Из содержательного – только мой адрес. Черт!

Все-таки надо было насторожиться, когда девчонка повела себя небанально и убежала вот так, даже не поцеловав на прощанье и не попытавшись всучить свой адрес электронной почты, ник в ЖЖ и номера аськи и телефона. Если уж она ломает типичную схему – и мне надо было сломать свою. Хотя бы насторожиться стоило.

Но теперь поздно. Поездку в ИКЕА пришлось отложить. Вызвать слесарей, ждать сначала, пока они придут, а потом, пока поменяют замки. Наследили повсюду. Протереть пол. Еще раз убедиться в том, что замки работают исправно. После этого я более-менее *стабилизировался* и расслабился. Когда все закончилось, уже стемнело.

Пока продолжалась вся эта возня со сменой замков, я утонул в «Мамбе». Для начала я зарегистрировался. Долго раздумывал, стоит ли мне написать от своего имени «Елизавете», что, когда меня ограбят, я смогу не только составить ее предельно достоверный фоторобот, но и выдать ТТХ ее фотоаппарата, а также раздобыть ее видео с камер видеонаблюдения в парочке клубов, где мы побывали сегодня ночью. Потом я решил не пугать девочку. Зарегился без лишних подробностей, с почти пустой анкетой.

«Елизаветы» в он-лайне не было. Я отправил ей сообщение из серии «Привет, как дела?». Посмотрим, что она ответит. Прочитал анкету того самого «Вадима, 32, Москва». Скопировал ее на жесткий диск. Немного подумав, зарегистрировал еще одну анкету – женскую, с Танькиной фоткой, и написал ему. Я решил, что мне стоит выманить этого Вадима на встречу и посмотреть на него вживую. Может быть, даже сфотографировать. Вряд ли этот кривоzubый провинциального вида урод в ушанке, который красовался в его анкете, – реальный Вадим. В Москве я таких лиц не видел уже очень давно. Только у провинциальных заводских проходных.

Изнутри сайт знакомств впечатлял. Он завораживал бесконечностью вариантов и лиц. Больше 10 000 000 (десяти миллионов!) людей, пытающихся кого-то склеить по Сети при помощи довольно разветвленных и с выдумкой составленных анкет. И у многих ведь получается! Люди все еще верят, что в глобальной людской свалке, в которую превратился наш мир, кто-то рассмотрит их крохотный золотник. Надеются, что кто-то разглядит индивидуальность, выберет и оценит именно его, особенного и неповторимого. Верят в чудо.

На мою свеженькую анкету тут же набросились проститутки. Причем такое впечатление, что все эти девки работали в одном борделе или ходили под одним сутенером. Потому что прайс они заявляли одинаковый: «2000 рублей – часик, 8000 рублей – ночька». Причем именно так они и писали – ночька, с мягким знаком. Чтобы не возникало сомнений – они не тратили в школе времени на зубрежку грамматики, а упражнялись в постелях со старшеклассниками, готовясь к своей будущей профессии.

Интересно, нормальные-то бабы здесь есть? Я заглянул в десяток анкет. Девчонки разные – и красивые, и обычные. И первокурсницы, и сильно старше меня. «Крокодилов» не попадалось – но, думаю, кое-кого приукрасил фотошоп. О'кей, а что у вас в башках? Может, кто-то поразит меня цветастым внутренним миром? Я начал беспорядочно посылать «приветы» всем подряд.

Кое-кто вел себя совершенно необъяснимо – вдруг начинал изображать снобизм. Вроде бы тетки сами вывесили свои фотографии, причем некоторые весьма откровенные, призывно смотрели и напрашивались на знакомство, но на сообщения отвечали как-то «через губу», без энтузиазма. Этот парадокс обескуражил. Дело во мне или дело в них? В реале вряд ли 37-летняя одинокая тетка на комплимент: «Да ты выглядишь круче многих 25-летних» обиженно брякнет: «Да, мне не 25! Поговорим, когда научишься быть тактичным». Гммм... Нет, пожалуй, не поговорим. Че-та я не втыкаю.

Впрочем, были и вполне адекватные девчонки, даже с чувством юмора. Одну я по ошибке назвал не тем именем (ну, когда рассылаешь сразу много «приветов», немудрено промахнуться), но она лишь прислала в ответ смайлик и вопрос: «Так с кем ты хотел познакомиться-то? Со мной, Мариной, или с какой-то там Алиной?» Такая, без чрезмерной самовлюбленности.

Но надо признать, что от самих девчонок инициативы практически не поступало. Меня не атаквали предложениями и подмигиваниями. Все как обычно. Принцессы сидят и ждут, когда их придут завоевывать. Все пытаются свалить на парней.

Моему женскому аккаунту везло гораздо больше. Мужики сами находили меня, предлагали увидеться, делали комплименты. (Фотографию я повесил Танькину, у нее и правда довольно удачная внешность.) Причем почти все эти парни были довольно неглупыми собеседниками. С одним мы весьма содержательно побеседовали о структуралистах, с другим – о восточных единоборствах. Он увлекается карате. Третий открыл моей Тане доступ к своему рабочему ftp, где я на халяву скачал несколько клевых арт-хаусных фильмов. В общем, даже в этом мире девочкой оказалось быть куда как проще и комфортнее. Не понятно, зачем в современном мире, таком лояльном к женщинам, где для них режим полного благоприствования, они еще за что-то борются?

Даже тот самый Вадим, 32, Москва, откликнулся на «привет» моей Танюшки. Он оказался довольно занимательным, хоть и мутным чуваком. Много расспрашивал обо мне, моих мыслях и взглядах. Удачно шутил. Оказалось, что мы одинаково голосовали на двух последних выборах. И в целом наши взгляды на политическую систему, общественное устройство и взаимоотношения полов совпадали. Вырисовывался вполне симпатичный и интеллектуально

развитый персонаж. Но что мешает грабителю-домушнику в свободное время интеллектуально развиваться и шутить?

Его обаяние и приколы не очень-то на меня действовали. Довольно скоро мне стало очевидно, что Вадим – действительно непрозрачный парень. С грязными секретиками. Например, он уверял, что живет в каком-то маленьком провинциальном городе, но не называл его. Путался он в показаниях и насчет своей работы: то он был сисадмином, то горным инженером. И главное, уходил в глухую несознанку, когда я пытался развести его на встречу. Он как будто бы чувствовал подвох с моей стороны. Но я продолжал держать его на «крючке», радуя самым искристым юмором, на который способен, и самыми удачными Танькиными фотографиями. Наконец-то они пригодились. Потому что все эти три года, что я перекладывал Танькин фотоальбом с книжной полки в стол, оттуда под кровать, а потом опять на полку, я спрашивал себя: на хрена? Зачем мне эти фотки? Какого рожна я притащил их с собой в Москву? Почему бы просто не отнести эти клочки фотобумаги на помойку? И вот они дождались своего часа.

Я не заметил, как пролетели выходные. Ночь с 13 на 14 января, старый Новый год, я встретил там же – у компьютера, переписываясь с людьми из разных городов, парнями и девочками. Мне отвечал кто угодно, кроме «Елизаветы». Когда я уже выключал комп, чтобы наконец погладить себе на завтра рубашку и отправиться спать, я еще раз проверил ее анкету. Хотел посмотреть – заглядывала ли вообще на этот сайт после отправки Вадиму сообщения с моим адресом. «Владелец этой анкеты закрыл публичный доступ к аккаунту либо удалил свой профиль». Я не очень удивился. Этого следовало ожидать. Очень понятно. Странно даже, что «Вадим» не очень-то шифровался и продолжал отсвечивать на «Мамбе». Он даже прокачивал себя в рейтингах, козырял статусом vip – в общем, чувствовал себя довольно безопасно. В отличие от меня.

Я, напротив, в эти дни жил с гаденьким ощущением подкрадывающейся неприятности. В понедельник после работы я вышел из лифта, нащупывая в кармане новые ключи от квартиры. И тут тревожный колокольчик, фоновое звонивший весь день, превратился в конкретный пожарный набат.

На двери желтел яркий стикер.

«Это не поможет», – было написано на нем.

Замечательно. Просто великолепно. Видимо, как раз сегодня, пока я торчал в офисе, «Вадим» и «Елизавета-Тамара» как раз и навестили меня. Но «дружеский визит» не удался. Они обнаружили, что прежние ключи не подходят. Догадались, что я их раскусил, но решили показать мне, что их это не очень-то пугает. Довольно отчаянные ребята.

Я запарился. Ситуация вдвойне неприятна тем, что в тот же вечер я должен был уезжать в Самару. Я оторвал стикер от двери и прилепил его на зеркало в коридоре. Вызвал такси. Поужинал. И уехал на вокзал. Мне хотелось перестать думать обо всей этой ситуации. Выбросить ее из головы. И раздражало, что мне это не удавалось.

Только в поезде мозг слегка задвинул тему потенциального ограбления на второй план и радостно принялся обдумывать то, о чем я обычно размышляю в дороге. Если коротко: я хочу изменить мир.

Я вспомнил об этом, как только начался привычный дорожный ритуал. Я снова с раздражением обнаружил на постели купе пакет «бесплатной прессы». Бессодержательный, насквозь фальшиво-рекламный журнал «Желдор-Экспресс», какую-то откровенно несвежую, как будто пахнущую прогорклым беляшом газету «Для тех, кто в пути», листок «Свисток», путеводитель «Недвижимость Кипра» и еще кучу хлама. Всего девять изданий. Добрые полкило макулатуры.

И ведь какие-то люди тратят свою жизнь на то, чтобы производить этот никчемный беспомощный shit! Меня просто бесит, когда я представляю, что производство *вот этого* составляет основное содержание чьей-то жизни. Двадцать дней в месяц по восемь часов в день они тревожатся, спешат в офис к 10 утра, корпеют, тратят электричество, типографскую краску и бумагу, чтобы на постели пассажиров легло вот это. Никому не нужное. Макулатура, которая в тесном купе только мешает, и ты не знаешь, куда ее запихнуть. Я испытываю жалость и презрение к этим людям одновременно. Страшнее всего, что они наверняка искренне заблуждаются, полагая, что делают важное и серьезное дело.

Дальше абсурд продолжился. В купе заглянула проводница и поставила на столик четыре пластиковых контейнера, набитых низкокачественной высококалорийной едой: салями в вакуумной упаковке, молочный шоколад, вафли, печенье, плавленый сырок, пончик. Тому, кто придумал, что в поезде, отбывающем из Москвы в двенадцать ночи и прибывающем в пункт назначения ранним утром, людям надо выдавать поголовно эту отраву, надо самому прописать такую диету. Чтобы он каждый вечер на ночь съедал по бутерброду, составленному из всех этих продуктов. И запивал бы еще бутылочкой колы, которая тоже услужливо выставлена на столике.

К счастью, большинство пассажиров (по крайней мере моих попутчиков) прекрасно понимают убийственность предложенного меню. И из всего «дорожного набора» большинство в лучшем случае съедает утром йогурт. Остальное содержимое контейнера долго переключается, критически осматривается и, переворошенное, остается лежать там же. На столике. Утром проводницы проходят и сгребают весь этот джанк-фуд в пластиковые мешки. Сомневаюсь, что они раздают этот избыточный корм бомжам или бродячим животным. Думаю, он отправляется прямиком на помойку. А ведь на производство *и этого тоже* тратятся чьи-то бесценные человеческие жизни! И так во всем.

Мы не успеваем жить, потому что большую часть бодрствования чрезмерно заняты работой, производством. Мы так заняты, что даже не успеваем заметить, что производим то, что никому не нужно. Или нужно в гораздо меньших количествах. Даже если мы обнаруживаем, что этого не надо или надо меньше, то мы не перестаем штамповать кучи дерьма. Мы просто принимаемся убеждать остальных, что им нашего дерьма надо. Мне хотелось бы изменить это. Я пытаюсь противодействовать удушающей избыточности. Беспрецедентной гонке на выживание. Устрашающему нарастанию скорости этой дурацкой карусели. Конечно, у меня есть глобальный план. Но я не гнушаюсь быть последовательным и на бытовом уровне. Поэтому я собрал всю причитающуюся мне макулатуру, прихватил пластиковый контейнер с жарочкой и отправился в купе проводников. Проводница посопротивлялась, отбиваясь от моей щедрости. Она тоже не очень-то знала, что делать со всем этим барахлом, которое только что с облегчением распахала из своей комнатки по столикам пассажиров. И вот теперь часть дерьма полилась назад. Но все-таки ей пришлось все у меня забрать. Я убежден, что чем больше пассажиров будут поступать так же, как я, тем скорее человечество станет чуточку счастливее. Потому что какая-то девушка сможет уйти с работы пораньше и отправиться на свидание или прочитать хорошую книгу. Чей-то ребенок заснет, слушая мамину сказку, а не бурчанье няньки. У какого-то парня будет время пойти в спортзал, а не бессильно отрубиться перед телевизором, приползая с работы в 11 вечера.

Я вернулся в купе с чувством выполненного долга. Я был доволен собой, поэтому легко уснул. Проснулся, когда поезд уже подъезжал к Самаре.

Морозный воздух на перроне пах битвой, гарью горящих захваченных деревень, оружейным железом, перегаром и потом. Словом, переменами.

Держись, завод безалкогольных напитков – тебе привезли новую философию, новый стиль жизни. Тебе привезли нового тебя.

* * *

На этом заводе я уже был два месяца назад. На этапе разработки проекта. Для описания бизнес-процессов и последующей адаптации ERP-модулей под них. Теперь работа вступала в самую приятную стадию: сопротивления материала и революционного насилия.

Уже завтра система будет запущена и штафф, наконец, осознает, что все это были не игрушки менеджеров. Что ERP – это не бла-бла-бла, про которое конторские поговорили и забыли, а жизнь продолжается в прежнем режиме. Уже завтра на заводе начнут втыкать в новую систему, вопить, протестовать, кричать, что все плохо придумано, а они ничего не понимают, и возмущенно доказывать, что прежде было гораздо лучше и удобнее. А я буду за волосы затаскивать их в новую жизнь, за ручку подводить к «страшному ERP-монстру» и учить, в какую лапку ему надо класть кусочек сахара. То есть на какую кнопку нажимать.

Первые дни меня будут ненавидеть. Потом зауважают. Не зафанатеют, но кое-кто *подсознательно* начнет подражать. Так всегда. Я люблю менять людей. Мне нравится, уезжая, видеть, что всего за пару недель они стали другими. Собираясь в командировку, я каждый раз придумываю себе какую-нибудь выразительную привычку. Чтобы четко видеть, сколько людей подсядут на ту же тему за время общения со мной. На этот раз я привез с собой калабас. Будем плющить провинциалов по теме маттэ. Забавно, что они воспринимают меня как «столичную штучку» и на них это имеет некоторое влияние. Притом, что я, например, до сих пор ощущаю Москву таким же загадочным юнитом, как и три года назад, когда снял здесь свою первую комнату. Ну то есть я не настоящий москвич.

Совещание с местной группой по внедрению прошло нормально. Мы расписали план действий на ближайшие дни, определили тонкие места. Главный айтишник ерзал, предвкушая «большой взрыв». Это союзник. Главный бухгалтер сдержанно сообщала, что уж лучше бы начинали не с ее ведомства. Потому что у них как раз годовой отчет. И у бухгалтеров сейчас и без того высокая нагрузка, а взвалить на них еще и изучение новой системы, параллельную работу сразу в двух программах – 1С и в ERP, – это жесткое издевательство. И вообще, тренироваться лучше на кошках, на каком-нибудь другом, малозначимом отделе. Это враг. Продажи, производство и закупка пока не определились со своими настройками. Болото.

Работать в провинции заканчивают рано – в шесть вечера офис уже совершенно опустел. Впереди был длинный вечер. Судя по обеденным разговорам, большинство здесь, как, впрочем, и везде, проводят его перед телевизором.

А я залез в Интернет и отправился на «Мамбу», которая оказалась довольно-таки не бессмысленным сервисом, искать себе девушку. На самом деле, конечно, я совершенно не нуждался ни в какой подружке. Мне вполне комфортно одному. Как я уже говорил, я давно победил зависимость от людей. Просто у меня возникла идея проверить один социальный эксперимент. Недавно я смотрел фильм про опасность тоталитарных сект. Его создатели, сами того не подозревая, вместо того, чтобы запугать зрителя, выдали вполне качественную инструкцию «как построить собственную секту». Как сделать так, чтобы люди абсолютно тебе доверились, верили в тебя, готовы были ради тебя на все и ощущали тебя каким-то особенно ценным, *избранным*. И я решил испробовать на отдельно взятой представительнице города Самара эти методы. Реально я не нуждаюсь в каких-либо эмоциях других людей по отношению ко мне. У меня абсолютно исследовательский интерес. Такая тренировка харизмы. Мне, человеку работающему не только с технологиями, но и с людьми, это очень полезно.

Тем более что у меня действительно были кое-какие идеи...

Так вот, я залез в Сеть и начал искать по анкетам подходящую девчонку. Критерий отбора один: она должна быть красивой. Никакой дискриминации, но если уж и иметь дело с людьми не по работе, то я предпочитаю людей не токсичных, то есть духовных. А на материальном уровне божественное или духовное проявляется через красоту. Все эмоции и мысли человека очень четко отпечатываются у него на лице и на теле. Лень, депрессушность, неспособность к самокритичности откладываются жиром на заднице, истеричность высыпает прыщами на лице, занудство скукоживает губы, невосприимчивость к новому проступает в замороженности лицевых мышц. В общем, если девчонка красивая, то, скорее всего, у нее и с головой все не так плохо. Красивых в Самаре нашлось, и немало. Я решил не детализировать выборку и просто начал писать всем подряд: «Привет!», «Ты красивая», «Как дела?», «Давай познакомимся». Я решил, что остановлю поиски сразу же, как только появится конкретный вариант свидания на завтра.

Девчонки не радовали разнообразием: они отвечали «приветами», просили написать что-нибудь «оригинальное» и «удивить их». В общем, ни одна не ответила «О, привет! Как я рада, что ты написал мне, ты такой классный!» Нет. Только «ну и чем ты меня будешь заинтересовать» и «удиви меня». Что же, девочки, давайте попробуем. «Вряд ли тебя это удивит, но большинство девушек на этом сайте просят удивить их. А знаешь почему? Подсознательное желание впасть в детство, когда каждый день – новые и сильные впечатления. Желание вернуться в то время, когда все поражает. Я знаю еще пару приемов, которые на эту тему работают. Для начала давай сходим на каток и в кафе-мороженое. Как идея?» Это я написал Олеся. Она, похоже, натуральная блондинка. Очень стройная, с чуть вздернутой пухленькой верхней губкой и зелеными глазами, как у кота из «Шрэка». Вери найс.

Параллельно я разрабатывал шатенку Настю. Она тоже желала удивиться. «Я ясновидящий. Могу доказать. Задумай пять книг, которые ты читала, а я их точно все угадаю», – написал я ей.

Первой ответила Олеся: «Ты не удивил меня. Ты просто в меру своей испорченности попытался объяснить, почему я хочу удивиться. Низачот! ☺)». – «Но я старался! Впрочем, это тоже неудивительно. ☺». – «С вами, взрослыми, всегда так. Просишь игрушку или чудо, а тебе тупо объясняют, почему куклу сейчас купить нельзя, а с неба не начнут падать вафли, сколько бы ты ни загадывала такое желание на Новый год». О! Это уже кое-что! Она поняла игру и, кажется, не против ее поддержать. «Мне кажется, я волшебник! Я вполне могу организовать вафли с неба!»

Настя наконец тоже ответила: «Угадывай». Очень лаконично. Первая галочка в листе на отбраковку. Еще две – и признаем это направление поисков бесперспективным. «Преступление и наказание», «Война миров», «Моя семья и другие звери», «Мадам Бовари», «Букварь». Угадал?» – «Нет. Ты не ясновидящий». Вторая галочка. Эй, детка, ты чего такая тухлая тут сидишь? Неужели надеешься кому-то понравиться с такими плевками из букв? Последний шанс для тебя: «А какие же книги были в твоём списке? ☺». – «Чапаев и пустота», «Кэжуал», «Духлесс», «Возможность острова», «Здесь курят». И молчание... Да, очень тяжелая тетка. Душная. Но я все-таки продолжил раскачивать этого «социального бегемота». Предложил встретиться.

Олесе я тоже повторил приглашение погулять и сходить поесть мороженого.

Девочки задумались.

«Я еще тебя совсем не знаю, чтобы уже встречаться вживую. Давай споемся завтра еще, а там посмотрим». Это Настя.

Олеся тоже колебалась. «Ну давай я тогда тебя просто встречу после работы и провожу до дома?» – «Ну ок!»

Задача выполнена. Стрелка забита. Успешный менеджер успешен во всем.

На следующий день я ушел с работы на полчаса раньше, хоть это было и нелегко. Бухгалтерия оказывала организованное сопротивление. Тетки как будто нарочно заморозили мозг и категорически отказывались им думать. Они всячески делали вид, что не понимают логику новой системы и не могут самостоятельно совершить в ней ни одной операции. Овцы! А что будет, когда прозвучит волшебное слово «интеграция»? Неприятно еще и то, что у меня слишком мало времени, чтобы быть с ними по-настоящему терпеливым. Даже издевательски-терпеливым, что обычно в конце концов покоряет и не таких персонажей. Мне приходится их «поторапливать» и слегка чморить, разжигать интеллектуальную соревновательность вместо создания здоровой обстановки комфортного сотрудничества. Ладно, прорвемся.

Олеся сидела в окошечке банка и проводила банковские *операции*. Ее рабочее место действительно выглядело как операционная; ничего лишнего – ни бумажки, ни пылинки, ни даже какой-нибудь губной помады. Она сразу поняла, что это я, и улыбнулась глазами. Я кивнул и вышел на улицу. Минут через семь она вышла следом. Короткая светлая дубленка. Круглая шапочка из серебристой норки. Нейтральные офисные брючки цвета фисташки. Сапоги на каблук. Прикид без полета, но и без явных изъянов. Изумрудно-зелеными глаза выглядели из-за специальных цветных линз. Но зато волосы оказались настоящими.

Мы шли по скользкой улице. Она потешно семенила на своих каблукках, видимо опасаясь навернуться. Я предложил ей свой локоть. Она на секунду замешкалась, но уже в следующий момент перевесила сумку на правое плечо, а освободившейся левой взялась за меня.

Если моя новая теория верна, то самое непродуктивное, что можно сделать на первом свидании, – это повести девушку в кафе и устроить ей «допрос с пристрастием». Она еще не знает, насколько искренне ей стоит отвечать на твои вопросы. О чем говорить. Что именно она хочет о тебе знать. Вообще-то ей и не надо знать ничего особенного, чтобы проникнуться тобой. Ты просто не должен показаться ей глупым слабаком. Но для этого совершенно не обязательно сидеть и давиться литрами эспresso в кофейне, рассказывая, каким ты был отличником-дзюдоистом и как тебя ценят на работе.

В общем, я потащил ее на каток. Этой зимой страну накрыла какая-то глобальная программа: во всех городах, куда бы я ни приезжал, открыли очень хорошие катки с теплыми раздевалками и прокатом неплохих коньков. Олеся для начала посопротивлялась, причитая, что не умеет стоять на льду, она неподходяще одета и так далее. Словом, поломалась. Это вызвало во мне раздражение. Но я не показал его. Я был мягок и шутлив, но при этом вполне *уверен*, что нам надо именно на каток. Конечно, если бы речь не шла об эксперименте, я бы отскочил уже в этот момент. Не так уж я в ней заинтересован, чтобы терпеть нытье. Но я отнесся к ситуации, как к работе, и справился. В итоге мы зашли в первый же магаз, купили ей носки (оказалось, что под сапогами у нее только капроновые колготы), и через полчаса она уже робко катилась, хватая меня за руки, и вид у нее при этом был вполне радостный и возбужденный. Девочка не без способностей: через пару кругов она уже вполне уверенно отпустила мою руку и поехала самостоятельно. Но тормозить предпочитала, утыкаясь в меня. Каждый раз, когда она норовила шмякнуться, я оказывался рядом и очень уверенно ее ловил и поддерживал. Мы перекидывались ничего не значащими фразами, но между делом я дал ей понять, что:

- я не жадный (и речи не может идти о том, чтобы она пыталась сама заплатить за прокат коньков или чай. Если я рядом – это мой вопрос);
- неплохо владею английским (я переводил ей отдельные куски песен, звучавших на катке);
- она очень способная и легко учится – я это оценил;

- я опытный, я знаю жизнь. Объездил пол-России, и мне есть что рассказать, но я не буду вываливать на нее это все и присаживаться на уши. Только в тему, между делом;
- я прикольный (я рассказал пару свежих анекдотов в тему);
- я умею принимать решения и разруливать проблемы («Не могу найти жетон на сумку, сданную в гардероб. Похоже, потеряла. Что делать?» – «Я решу этот вопрос. В сумке были какие-нибудь документы, пропуск на твое имя или права?»);
- я рад ей. Рад, что она в этот вечер со мной.

После катка уже можно идти в кафе. Никакого алкоголя. Мороженое и чай. Только то, что органически, в силу памяти тела возвращает человека к состоянию детской безмятежности и беспечности. А значит, и доверчивости. Никаких серьезных разговоров за чаем, вроде обсуждения зарплат или политической системы. Пусть вообще забудет, что она ответственный банковский работник с высшим образованием. Лучше отгадывать загадки и сочинять вместе сказку про...

– Про какую принцессу мы будем сочинять сказку?

– Не знаю. А зачем это?

Беру салфетку и рисую нечто на тонких ножках с короной и счетами в руках:

– Такую?

– Ну нет!

Берет другую салфетку и рисует свою принцессу. С цветком и собачкой. Прекрасно. Будут принцессе и цветы, и собачка.

Поймал машину, довез до подъезда и на том же такси вернулся в гостиницу.

На следующую ночь мы ходили смотреть крещенских купальщиков-моржей. Олеся стремалась идти куда-то ночью с почти незнакомым парнем, но повод был такой целомудренно-правильный и нетривиальный, что колебалась она недолго. Моржи ныряли в прорубь с головой, истово крестясь и ухая. Мы здорово околели, пока ждали начала. Я намочил рукава дубленки, набирая из Волги крещенской воды. Срочно требовалась реанимация теплом. Все кафе в этот час, естественно, были закрыты. Так что мы с Олесей неизбежно оказались в моем гостиничном номере. Она утонула в свитере и шерстяных носках, связанных моей мамой, и включила чайник. Я спокойно переодевался при ней – как родители раздеваются в присутствии своих детей, ничуть их не стесняясь. *Как будто бы* в этом нет совершенно никакого сексуального подтекста. Она делала вид, что не очень-то смотрит, но, очевидно, смотрела и оценивала.

Я осторожно протер ей лицо ледяной крещенской водой. Тоналочка ее слегка поплыла, под ней обнаружились очень свежие розовые щечки.

Она тоже протерла мне водой лоб и нос. Я смотрел ей в глаза, когда она касалась лба, и закрыл веки, когда она добралась до щек. Одна капля скатилась со щеки на губы. Олеся коротко меня поцеловала, как будто просто выпила эту каплю. Мы обнялись и молча замерли. Она смотрела в окно. Там, за стеклом, она, скорее всего, даже наверняка, видела крещенское небо. Занавески не были задернуты. А я уперся взглядом в картину на противоположной стене. Банальная гостиничная пастораль: пастушок и стадо овец в жаркий летний день на опушке леса.

На какое-то время я даже забыл, что это я тут веду партию. Что я не собираюсь «подсаживаться» сам, а, наоборот, собираюсь «подсадить» этого человечка на себя. Точнее, даже не на себя лично, а на этот наркотик инфантильного уюта, атмосферу безопасности, игры, беспечной свободы и полного приятия, которую я для нее создаю. Я вдруг забыл об этом. Я сам вдруг почувствовал себя так, как хотел, чтобы чувствовала себя она. Такое бывает, когда сам гипнотизер, если он неопытен, поддается действию раскачиваемого им гипношарика. К счастью, у меня хватило собранности осознать этот момент собственной очарованности и вернуться к себе – настоящему.

Вернули меня в сознание те самые овечки. Все-таки у меня был план.

Мы пили чай с медом и смотрели в окно. Я рассказывал про звезды. Потом мы с моей подачи начали петь. Тихими низкими грудными голосами. Дебютировали с «Песенки Умки». Олеся стеснялась, подмыкивала мотив со сжатыми губами, но потом зажим прошел. И под конец она пела даже одна. Тихим и вкрадчивым голосом.

Сама кайфуя от собственных звуковых вибраций. Почему-то она скатилась к колыбельным. Я даже не знал, что на русском языке написано столько песен для усыпления.

Потом она уже не стеснялась сама приходить после работы ко мне в гостиницу. Мы танцевали. Играли в «города» и «крестики-нолики». Смотрели кино. Рисовали друг друга и друг для друга. Я ее хвалил. В выходные ездили кататься на лыжах и ходили в музей. Она взялась вязать мне шарф. («Сто лет не держала в руках спицы, но для тебя мне почему-то хочется связать шарф».) Ясное дело почему: это неозвученное стремление привязать выплескивается наружу как видимый, вещный знак. Вяжи, детка, вяжи. Мне нравится это наблюдать. Все шло, как задумано.

Сексом занялись к концу второй недели. Тем вечером мы пешком прошли от ее банка до гостиницы. По дороге я обстрелял ее снежками и даже нашел парочку подходящих сугробов, в которые не застремался ее уронить. Она визжала и отбивалась, но хохотала. Дома слушали музыку и играли в «живые картины». Я загадывал ей неслучайные образы. Она изображала гончую собаку после охоты, чайник со свистком, поющий тростник, сдувающийся воздушный шарик и даже ветер. Все для того, что в пособии по созданию секты по-английски называется *overbreathing*. Штука очень понятная: гипердыхание – сверхнасыщение мозга кислородом – легкая измененка сознания. Попросту – немного едет крышак. Эйфорийный секс – очень чувственная штука. Оказывается, человек способен к безумно тонкой сенсорной восприимчивости. Я мог просто смотреть ей между лопаток, и она, чувствуя мой взгляд, изгибалась кошкой и жмурилась. Вся открывалась навстречу в готовности отдаваться.

В общем, я ничуть не пожалел, что ввязался в этот социальный эксперимент. Наверное, если бы я не переключался после работы на примагничивание Олеси, то мозг мой взорвался бы.

Честно говоря, я порядком устал. Я боялся сам себе в этом признаться, но сейчас, глядя на ситуацию спустя время, я отдаю себе отчет в том, что нервы мои были на пределе.

В какой-то момент мне стало тяжело даваться переубеждение людей. Я начал заводиться, когда бухгалтеры и с третьего раза не понимали, как делать какую-нибудь проводку в новой системе. Когда логистики в упор не замечали, что им теперь не обязательно слать друг другу по электронке какие-то дурацкие экселевские таблички, каждому что-то в них дополнять, а потом подолгу «сводить данные». Зачем что-то «сводить», когда вот она теперь перед вами – ваша общая база данных. Открыл и видишь все – и свое, и то, что уже запланировали другие. Причем я чувствовал, что на самом деле люди прекрасно все понимают, но как будто испытывают меня на прочность. Сколько раз я смогу повторять одно и то же и не проявлять никаких эмоций – ни агрессии, ни раздражения, ни бессильного отчаяния. Ничего, что по идее должен был бы чувствовать любой нормальный человек на моем месте. Я же сдержанно улыбался и продолжал объяснять и убеждать. Калабас стал для меня настоящим спасением. Каждый раз, когда мне хотелось взорваться и наорать на кого-нибудь, я хватался губами за металлическую трубочку и медленно, но жадно втягивал большой глоток чая. Еще. И еще. Это помогало успокоиться. Местные заметили, что я хватаюсь за эту соломинку каждый раз, когда они меня особенно допекут и, по-моему, даже начали подхихикивать на эту тему за моей спиной. Но запариваться еще и на эту тему у меня уже не было сил. Конечно, на таком фоне моя затея посадить временных коллег на красивую привычку к маттэ с треском провалилась.

Естественно, я не вываливал все эти траблы на Олеся. Ей этого всего знать не надо. Для нее все должно выглядеть как «у големов нет проблемов». Я сильный, способный разрулить что угодно. Дети любят, когда им дают ощущение защищенности. Люди всегда возвращаются в безопасные места. К сожалению, с возрастом у них таких мест практически не остается. Даже родительский дом почему-то с каждым годом все больше напоминает поле, на котором сами собою почкованием размножаются мины.

Словом, я не был таким тупи́ком, как во времена совместной жизни с Танькой, чтобы открывать себя и говорить все как есть.

Когда в конце третьей недели Олеся ни с того ни с сего заявила: «Давай поженимся» – я, конечно, охренел. Но тут же успокоился: Олеся привязалась. Но привязалась не ко мне. Она запала на тот образ, который я для нее создал. «Я вернусь. Я буду о тебе думать и скучать. Звонить и писать», – ответил я.

В последний уик-энд мы пошли в детский мир. Я купил ей плюшевую собаку, а еще санки. Вечером я катал ее по темным улицам на санках. Она плакала. Говорила, что я так быстро везу, что ветер в глаза и они слезятся на морозе. Не думаю, что она подумала, что я поверил.

Я не врал, когда обещал ей звонить и писать. Я действительно собирался как можно дольше держать ее «на крючке». Я был заинтересован в том, чтобы она считала, что у нас серьезные отношения. В общем, она должна была ощущать себя не свободной, занятой девушкой. Я не хотел, чтобы у нее появился кто-то другой.

Это не помешало мне еще за неделю до отъезда из Самары начать изучать на «Мамбе» предложение свободных девушек в Екатеринбурге. Это следующий город, куда мне предстоит отправиться. Тамошний завод по производству тары и упаковки тоже дозрел до идеи ERP. Я уже переписывался с тремя вполне симпатичными девчонками из Ебурга. Окончательный выбор, с кем же из них провести ближайший месяц, я сделаю на месте, когда посмотрю на них вживую. Пока что я сильнее всего склонялся к стильной брюнеточке Лене, работавшей корреспонденткой на местном телеканале. Впрочем, ресторанный менеджер Катя, повернутая на фитнесе, и фитнес-инструктор Галя, повернутая на диетах и правильном питании, тоже были вполне привлекательны.

Олеся просекла, что я, несмотря на наше тесное общение, продолжаю заглядывать на «Мамбу», и ее это заметно огорчало. Я постарался ее успокоить, и тут как нельзя кстати при-шлась история про Вадима и «Тамару-Елизавету». Я объяснил ей, что просто испытываю легкое беспокойство и с помощью «Мамбы» держу своих потенциальных врагов в поле зрения.

Олеся, кажется, не очень-то поверила этой абсолютно правдивой истории. Но тот факт, что я попытался ее успокоить, несколько утешил детку. Она ощутила, что мне действительно не наплевать, что она думает обо мне. А значит, у нас действительно достаточно глубокие отношения. Похоже, она подумала что-то вроде: «Ну, может, он и ходит на «Мамбу» смотреть на каких-то еще других девок, но дорожит он именно мной. Раз он мне врет, значит, он боится меня потерять».

И она не сильно ошиблась. Я действительно был заинтересован в том, чтобы она думала только обо мне и в упор не видела других парней, даже когда я уеду. И это не вопрос ревности, тщеславия или привязанности. Это вопрос *стратегии*.

Как я уже говорил, в этом мире слишком много всего: избыток вещей, продуктов, реклам. Горы разного хлама, которые мы в истерическом гипернатяге производим, а потом ажиотажно скупаем, не разбираясь, насколько он нам нужен. И все это ради того, чтобы ощутить себя *нужными*. Еще бы, даже когда на работе ты делаешь что-то совершенно бессмысленное,

вроде газеты «Гудок» или третьего дополнительного упаковочного пакетика для трех чайнок, ты все равно ощущаешь себя страшно необходимым и востребованным. Более того, два раза в месяц ты получаешь видимое, вещное доказательство того, что в тебе нуждаются, – зарплату. Ну и плюс всякие эмоциональные «поглаживания» вроде фотографии на Доске почета и грамоты к юбилею фирмы. Эрзац отношений. Потребляем мы точно так же, пытаюсь вещами заполнить внутренние, душевные пустоты. В надежде, что большее количество вещей в нашем распоряжении приведет к тому, что нас будет надо большему количеству людей. Типа: «О, когда я куплю BMW, все девушки меня захотят, а парни зауважают. Все захотят со мной поехать на шашлыки, а я еще буду выбирать». «Когда я куплю туфли за 500 баксов, мужчины сами будут падать к моим ногам». Мы штампует вещи, возлагая на них нереальную надежду, что они станут волшебными посредниками, которые подарят нам ощущение уместности и нужности этому миру. Конечно же эта логическая цепочка совершенно корява. Я придумал более короткий путь.

Чтобы людям снова было дело друг до друга, их просто должно стать меньше. Когда у них не будет такого припадно огромного выбора, они начнут присматриваться друг к другу, заглядывать друг другу в глаза и в душу. Они станут духовнее и действительно научатся видеть друг в друге людей. Меня бесит эта философия, растекшаяся хлорным газом по обществу: ну порвутся отношения с одним человеком, так его тут же легко можно заменить другим. Людей-то – как грязи. А как насчет осознания уникальности, неповторимости и даже незаменимости каждого из нас?

Мне очень нравится этот пассаж у Фоера, что в конце человеческой истории Адам отдаст Еве яблоко, змей стыдливо отползет в сторону, а Ева повесит яблоко назад на яблоню. И восстановится гармония, невинность и духовность.

Собственно, я в меру своих сил и стараюсь сделать так, чтобы мир начал «сворачиваться назад», замедляться и уменьшаться. Чтобы в конце их осталось только двое – новый Адам и новая Ева. Жаль, что не я буду этим Адамом. Представляете, как нежны и тактичны, честны и искренни должны будут сделаться эти двое по отношению друг к другу? Потому что тот, кто перед ним, – *единственный*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.